

КОГДА ЖЕ НАЧАЛАСЬ КОРЕЙСКАЯ ИММИГРАЦИЯ В РОССИЮ?

Александр Иванович ПЕТРОВ,
кандидат исторических наук

Когда мы говорим о начальном периоде корейской иммиграции в Россию, то обычно имеем в виду прежде всего переселение определенного числа крестьянских семей из Кореи в Южно-Уссурийский край Приморской области на постоянное жительство. Напомним, что русско-корейская граница была установлена в результате подписания в 1860 г. между Россией и Китаем Пекинского договора. С Кореей, которая, хотя и номинально, но находилась в вас-

сальной зависимости от Цинской империи, у русского правительства вплоть до 1884 г. официальных дипломатических контактов не было.

Такое положение, имевшее колоссальное как прямое, так и косвенное влияние на ход корейской иммиграции в Россию, особенно в ее начальный период, почему-то для некоторых авторов, занимавшихся и занимающихся данной проблемой, имеет порой «проходное» значение, они об этом иногда даже не вспоминают. Это ведет к смещению причинно-следственных связей и в конце концов к неточным выводам. Однако иммиграция — это, прежде всего *международная* миграция, а в условиях XIX в. — межгосударственная миграция. Поэтому, на наш взгляд, необходимо весь комплекс проблем корейской иммиграции в Россию рассматривать именно с точки зрения взаимоотношений между Российским и Корейским государствами. При этом отсутствие дипломатических связей между ними надо также воспринимать как своего рода взаимоотношения.

Почему же корейская иммиграция в Россию началась переселением крестьянских семей корейцев, которые небольшими группами тайно пересекали пограничную р. Туманган (р. Туманная), *чтобы уже никогда не возвращаться назад в Корею*? Именно так, как нам представляется, думали в большинстве своем переселенцы первого десятилетия истории корейской иммиграции. Все дело в том, что феодальная Корея в тот исторический период переживала последнюю стадию самоизоляции, который завершился в 1876 г. подписанием с Японией Канхваского договора, на 50 — 60-е годы XIX столетия пришелся пик этого явления. «Страна отшельников», «правительство политики уединения» — такими эпитетами награждали в то время Корею и ее правительство современники из других государств.

Появление в Южно-Уссурийском крае русских автоматически вызвало усиление корейской политики изоляционизма на северо-западе. Нельзя забывать о том, что реакция маньчжуров Хуньчуня была далека от дружелюбной. Так, зимой 1860—1861 гг. они, оказывая давление демонстрацией силы, потребовали от начальника Новгородского поста капитана И.Ф. Черкавского, «чтобы он оставил пост со всеми людьми»¹. Русский офицер просто приказал солдатам выставить такого рода «делегацию» за пределы поста. А когда командир Владивостокского поста лейтенант Е.С. Бурачек в феврале 1862 г. сам прибыл в Хуньчунь с ознакомительными целями, местный нойон объявил ему, что он якобы ничего не знает о Пекинском договоре, хотя копия документа рассылалась по всей границе². В январе следующего года в Хуньчунь вновь приезжали Е.С. Бурачек и Я.Л. Семенов с целью установления торговых отношений, но, по свидетельству первого летописца Владивостока Н.П. Матвеева, «встретили такую массу препятствий со стороны китайских властей, что из их попытки ничего не вышло, кроме жалобы местных властей своему высшему правительству и переписки, затеянной последним с нашим посланником в Пекине»³.

Эти свидетельства можно было бы дополнить другими примерами и конкретным историческим контекстом, но, думается, этого вполне достаточно, чтобы понять, что ни о каком свободном переселении корейцев на русскую территорию в то время не могло быть и речи, хотя такое мнение, как ни странно, складывается из некоторых публикаций. Напомним, что Амнокан и Туманган с середины XV в. «окончательно стали границей (Корейского. — А.П.) государства»⁴. «Вообще все земли, лежащие на северных берегах рек Амнокан и Туманган», которые в XVII в. были вновь определены маньчжурами в качестве естественных границ Корейского королевства, «считались в Коре

запретными, и селиться там корейцам под угрозой смертной казни... запрещалось»⁵. О том, что это были не просто слова, свидетельствует следующее событие в провинции Хамген: «В июне (1864 г. — **А.П.**) чиновник и еще один человек, обвиненные в пересечении (корейско-русской. — **А.П.**) границы, были обезглавлены на берегу Тумэни в знак предупреждения против аналогичных нарушений закона»⁶.

С этих позиций определение более или менее точной даты начала переселения корейцев в Южно-Уссурийский край не только возможно, но и необходимо, так как позволяет глубже проникнуть в суть данного явления, что в свою очередь имеет не только чисто научное значение, но и важный практический смысл.

Вполне доказанным историческим фактом является то, что на момент вхождения Уссурийского края в состав России корейцы здесь не проживали. Исследования этой территории, начатые русскими учеными вскоре после учреждения в 1851 г. Восточно-Сибирского отдела Императорского русского Географического общества, ясно это подтверждают. Об этом также свидетельствуют данные, собранные и записанные первыми россиянами, прибывшими в Южно-Уссурийский край в 1860 г. и в последующие годы. Даже краткий обзор этих исследований и публикаций занял бы немало места, что выходит за рамки данной статьи. Кроме того, выше уже было сказано как о корейской политике самоизоляции, так и о позиции маньчжурских властей в вопросе об эмиграции корейцев⁷.

Правда, в последнее время появляются публикации, авторы которых не разделяют такой точки зрения. Так, исследовательница С.Г. Нам, отмечая, что «в приграничных землях любых государств бывают взаимные разрозненные просачивания населения через границу, и это всегда рассматривалось как естественное, как исторически неизбежное и потому обычное явление», задает вопрос: «Тогда чем объяснить то, что территория Южно-Уссурийского края отделена от Корейского полуострова»⁸.

И далее с определенным проявлением чувств, в частности, по поводу событий 1937 г. по отношению к корейской части населения Дальнего Востока СССР, а также некоторых публикаций (статья А. Буюкова и А. ПолUTOва в журнале «Родина» № 2 за 1992 г.), С.Г. Нам предпринимает попытку с научных позиций доказать, что корейцы задолго до 1863 г. (даты, когда, по мнению ряда исследователей, началось переселение корейцев в Россию) проживали в Южно-Уссурийском крае. Несколько своеобразно интерпретируя общеизвестные научные представления об этнических процессах в Северо-Восточной Азии, С.Г. Нам приходит к следующим выводам:

«... в Южно-Уссурийском крае до его присоединения к России проживала какая-то часть поселившихся еще во времена китайского господства корейцев, численность которых установить не было возможности»;

«... другую часть корейских переселенцев составляли те, кто, начиная с 1863 года, селился в этих местах открыто, легально *с молчаливого согласия* (Курсив мой. — **А.П.**) русских чиновников и военных властей, нуждавшихся в тот период в дешевой рабочей силе для освоения края»⁹.

Ниже мы постараемся доказать, что эти выводы по меньшей мере неточны и некорректны, что, по-видимому, стало результатом игнорирования целого ряда источников и исследований. Пока же скажем, что эти не совсем привычные для российской историографии, начиная с М.И. Венюкова, В.И. Вагина, Н.М. Пржевальского и многих других, утверждения, так же, как и некоторые другие, присутствующие в книге С.Г. Нам, остаются слабо аргументиро-

ванными, а иногда просто декларативными. При этом автор, делая порой весьма важные «открытия», ссылается на работы, авторы которых никогда специально не занимались проблемами корейской иммиграции в Россию.

То, что С.Г. Нам определяет «общее число корейских переселенцев, включая всех нелегалов, тайно (до прихода русских. — **А.П.**) поселившихся в укромных местах, вдали от людских глаз с куском самозахваченной казенной земли» в несколько тысяч человек¹⁰ (! — **А.П.**), также выглядит совершенно неубедительным. Здесь, по-видимому, необходимо пояснить, что под термином «самозахваченная казенная земля» С.Г. Нам имеет в виду то, что эта земля «принадлежала» тогда цинскому Китаю, так как замечания о том, что до 1860 г. «Южно-Уссурийский край был еще частью Китайской империи»¹¹, в тексте присутствуют неоднократно. Был ли при этом Северо-Уссурийский край китайским, не совсем ясно.

Не впадая в полемику с С.Г. Нам, мы вынуждены заметить, что автор, доведя свое исследование до 1925 г., даже не предприняла попытки показать, как легализовались или куда растворились те «несколько тысяч» корейцев, которые проживали на юге Уссурийского края до его включения на основании международных договоров в состав Российской империи. Правда, ссылаясь на работу Г.А. Ткачевой, С.Г. Нам пишет, что по итогам переписи корейского населения Владивостокского округа 1929 г. «почти половину из общего числа корейских семей края составляли переселенцы, прибывшие туда в период с 1849 по 1910 год»¹².

Действительно, согласно официальным данным, в 1910 г. в Приамурском генерал-губернаторстве насчитывалось 41185 представителей корейской национальности¹³. По неофициальным данным, их численность оценивалась примерно в 51700 чел.¹⁴ Так или иначе, абсолютное их большинство проживали на юге Приморской области. Но ведь С.Г. Нам взялась вывести численность корейцев (и определила ее в «несколько тысяч») на 1860 г. (Пекинский договор), а не на момент переписи спустя 69 лет. Ради этого стоило бы поработать с самой переписью, которая, по-видимому, общедоступна, чтобы показать, сколько корейцев заявили тогда, что они живут на земле Южно-Уссурийского края с 1849—1860 гг., а не пользоваться данными других изыскателей, преследовавших совершенно иные цели. Можно лишь отметить, что каждому из корейцев, переселившихся в пределы России в 1849—1860 гг. было на момент переписи как минимум от 70 до 80 лет. Перепись в данном случае не является таким документом, который служил бы бесспорным доказательством того или иного исторического факта, хотя важность любой переписи огромна. Думается, что переписчики населения 1929 г. перепутали года рождения некоторых корейцев с годами переселения, что при слабой подготовке переписчиков и безответственного подхода к этой работе вполне вероятно. Что касается представителей старшего поколения, то многие корейские иммигранты, крепко обосновавшись на русской земле, впоследствии перевозили к себе своих родителей, которые родились не только в 1849 г., но и гораздо раньше. Таких данных в архивах предостаточно.

Здесь мы, наконец, подошли к вопросу, какие источники можно считать наиболее достоверными для определения начала иммиграции корейцев в Россию с целью обоснования для постоянного жительства в нашей стране, а также для того, чтобы установить, проживали они в Уссурийском крае до подписания российско-китайского Пекинского договора, или нет? На наш взгляд, необходимо выделить, следующие три группы источников:

1) официальная переписка представителей администрации Приморской области (образована в 1856 г.);

2) посемейные списки корейских сел и деревень Приморской и Амурской областей;

3) публикации дореволюционных авторов — современников тех событий, чиновников и офицеров русской администрации Приамурского края.

В известных нам документах 1856—1863 гг. упоминания о корейцах, живущих в Уссурийском крае, нет. Впервые такое упоминание мы встретили в рапорте за № 205 от 20 ноября 1863 г. начальника Новгородского поста, расположенного в бухте Посыет, командира 4-й роты 3-го линейного батальона Восточной Сибири поручика Рязанова. В этом рапорте он обратился к военному губернатору Приморской области контр-адмиралу П.В. Казакевичу за разрешением удовлетворить просьбу корейцев переселиться вместе с семьями из Кореи на российскую территорию и образовать поселение в 15 верстах от поста. Далее Рязанов сообщал, что на том месте уже было «построено ими 5 или 6 фанз». Однако корейцы заявили, что они переселятся туда только «с тем условием, чтобы на месте их поселения выстроить русский дом для помещения хотя бы пяти человек солдат, которые могли бы служить обеспечением их безопасности от манджуров, без чего манджуры их будут убивать»¹⁵.

Примечательно, что этот же документ (или его копию) обнаружил Б.Д. Пак в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО). Конечно, в этом нет ничего удивительного, ведь в 1884 г. при образовании Приамурского генерал-губернаторства часть документов, касающихся дел Забайкальской, Амурской и Приморской областей, была передана из Иркутска в канцелярию Приамурского генерал-губернатора. Правда, этот же рапорт Рязанова датируется у Б.Д. Пака 30 ноября того же года¹⁶. К сожалению, сейчас мы не можем установить, кто допустил ошибку при работе с документом, а также место хранения оригинала и копии рапорта № 205 поручика Рязанова. Дело в том, что с этим документом я работал в г. Томске в ЦГА РСФСР ДВ весной 1986 г., когда там находились фонды Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, ныне расположенного во Владивостоке. В настоящее время многие фонды РГИАДВ, в том числе и 87-й, по техническим причинам исследователям не выдаются. Б.Д. Пак, не цитируя рапорт Рязанова в том объеме, в каком он приведен выше, несколько иначе, чем мы, интерпретирует данные документа. Необходимо при этом отметить, что Б.Д. Пак, опираясь на уже упоминавшуюся перепись 1929 г. почему-то считает, что «первые корейцы-одиночки, немногие из которых оставались на жительство в пограничных с Кореей районах Южного Уссуря, стали появляться там еще в 1857 году»¹⁷. Приведем полностью абзац, в котором Б.Д. Пак говорит о событиях, упоминаемых в рапорте Рязанова:

«Первое официальное сообщение о переселении корейцев в Южно-Уссурийский край относится к 30 ноября 1863 года, когда поручик Рязанов (так написана эта фамилия в оригинале. — **А.П.**) в рапорте военному губернатору Приморской области контр-адмиралу П.В. Казакевичу передавал, что несколько корейцев обратились к нему с просьбой разрешить им в числе 20-ти семей поселиться в долине р. Тизинхэ, в пятнадцати верстах от Новгородского поста, где они уже ранее построили пять-шесть фанз. Одновременно они просили отправить к месту их поселения хотя бы пять солдат для защиты от маньчжуров, которые убивают корейцев, «несмотря на то, что они находятся в

русских границах». Если русскими будет обеспечена безопасность, говорили корейцы, тогда они готовы переселиться еще в числе ста семейств»¹⁸.

В рапорте отмечается, что, если русские не защитят переселяющихся в Посьетский участок корейцев, то маньчжуры *будут* их убивать. У Б.Д. Пака дело представлено так, что корейцы уже туда переселялись, а маньчжуры их уже *убивали*. Для подтверждения подобных фактов не приведено доказательств.

Б.Д. Пак считает, что после того, как был образован пост Новгородский, «капитан Чернявский (? — А.П.) не решался удовлетворить просьбу корейцев» о переселении в Россию, а «сменивший» его поручик Рязанов такое разрешение им дал¹⁹. По всей вероятности, автор имеет в виду капитана И.Ф. Черкавского, который во второй половине 1863 г. умер от переохлаждения, полученного предыдущей зимой. Но вот какую запись, между прочим, сделал 21 декабря 1862 г. командир поста Владивосток лейтенант Е.С. Бурачек:

«Несколько корейцев с семьями желают переселиться на нашу землю; их заманивает 20-летняя льгота не платить податей, но они боятся, что русские солдаты будут отнимать у них жен. Подобные басни, как оказывается, распускают китайские чиновники, которые лишаются нескольких лань серебра (лань около 8 золотников) с каждой семьи. Весной узнаем, насколько корейцы самостоятельны»²⁰.

Это свидетельство внимательного современника тех далеких событий, к тому же хорошо владевшего китайским языком и знавшего реалии тогдашнего Китая, обследовавшего Южно-Уссурийский край, где «кроме манз» проживало «немалочисленное племя таза, имеющее жен»²¹, чрезвычайно важно. Оно позволяет сделать вывод, что корейцы решили переселяться в Южно-Уссурийский край только в 1862 г., когда узнали о законе от 27 апреля 1861 г.

Для нашего анализа, таким образом, упоминание об этом законе просто необходимо. 27 апреля 1861 г. император Александр II подписал закон «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири». Закон начинался так: «Государь Император по положению Сибирского Комитета, Высочайше соизволил повелеть, для поселения в областях Амурской и Приморской Восточной Сибири, постановить следующие правила: 1. В сих областях дозволяется селиться всем вообще желающим, как русским, так и иностранцам, но с соблюдением условий, ниже изложенных»²². Далее следовало еще двенадцать статей, которыми разъяснялись дарованные переселенцам льготы.

Свидетельство Е.С. Бурачка важно и в том плане, что опровергает мнение Б.Д. Пака о том, что И.Ф. Черкавский не разрешал корейцам поселиться на русских землях. Напротив, корейцы не хотели или боялись переселяться до тех пор, пока не узнали о льготах для переселенцев, кто бы они ни были, русские или иностранцы. Им не очень-то нравились климатические условия Посьетского участка для занятия земледелием. С.Г. Нам, по-видимому, не знакома с климатом Посьета, иначе бы она не стала так писать о мнении П.Ф. Унтербергерера, который считал Посьетский участок неподходящим и для русского земледелия, имея в виду, что традиционные для России зерновые там дают плохой урожай²³.

Чтобы не быть голословным, сошлемся на мнение лучшего специалиста по сельскому хозяйству Дальнего Востока России конца XIX в., главного агронома при Приамурском генерал-губернаторстве, ученого, автора по меньшей мере 20 публикаций, в том числе по сельскому хозяйству развитых стран той эпохи Н.А. Крюкова. В одной из своих работ он приводит такие данные: в

корейском селе Осиповке на Нижнем Амуре в 1891 г. крестьяне собрали овса по 92 пуда с десятины, в то время как в Посыетском участке урожай был «всего 30 пуд.» Напомним, что из всех хлебных злаков овес наиболее стойкая к влажности культура. Говоря о качестве зерна в Южно-Уссурийском крае, Н.А. Крюков отмечал: «Вообще овсы этого района могут быть охарактеризованы так: серы, сорны, щуплы. Хорошего полного зерна с золотисто-желтыми пленками вовсе не встречается»²⁴.

Сейчас трудно установить, когда корейцы впервые познакомились с И.Ф. Черкавским, но это и не так уж важно. Решающее влияние на их решение переселиться в пределы Русского государства оказал закон от 27 апреля 1861 г., который на 20 лет освобождал корейцев от всяких налогов. Тяжестью налогов, сборов и просто поборов с крестьян Корея тогда славилась. «Земельный и множество других налогов, которые все чаще взымали деньгами», душили корейское крестьянство, вели к постоянным восстаниям. «Тягчайшим бедствием оставался военный налог»²⁵.

В 1867 г. Н.М. Пржевальский написал в своих дневниках, что одной из причин переселения корейцев в Южно-Уссурийский край была «густая населенность Корейского полуострова»²⁶, что воспринималось совершенно естественно в сравнении с тогдашней Приморской областью. Несмотря на то, что эта причина в качестве одной из многих, стала дежурной для ряда публикаций на эту тему, тем не менее, думается, есть все основания усомниться, что такая причина действительно существовала. Учитывая, что в 1835 г. все население Кореи составляло в 6,4 млн. чел.²⁷, а в 1881 г. — 16,2 млн. чел.²⁸, мы можем предположить, что в начале 60-х годов XIX в. оно было не более 10—12 млн. чел., т.е. примерно столько же, сколько живет в современном Сеуле. Что же касается пограничной с Посыетским участком корейской провинции Хамген, то к 1860 г. ее население составляло от 309 тыс. до 516 тыс. чел.²⁹, т.е. примерно в половину нынешнего населения Владивостока. Отсюда следует вполне очевидный вывод, что говорить о какой-либо перенаселенности провинции Хамген в то время нет никаких оснований.

Поэтому на вопрос С.Г. Нам, почему корейцы не переселялись в Южно-Уссурийский край до прихода туда русских, у нас есть все основания ответить предельно просто: некому было переселяться, да и незачем. Крестьяне — мудрые люди, они предельно прагматичны и консервативны. Те же, кто действительно хотел выехать за пределы страны, переселились в Цзяньдао (по-корейски — Кандо) как в район плодороднейших земель, отдаленный от центров корейской и китайской власти.

Таким образом, российские законы явились не в последнюю очередь той притягательной силой, которая сорвала многие корейские семьи с насиженных мест и заставила их переселиться в пределы «вдруг» появившегося соседнего государства с «хорошими законами». Этому мы находим подтверждения в дореволюционных изданиях. Так, В.И. Вагин отмечал: «Не менее важно было это переселение и в политическом смысле (курсив мой. — А.П.). Оно составляло явный протест корейского населения против деспотизма его правительства. Оно в то же время доказывало, что русский порядок управления корейцы предпочитают всем другим известным им порядкам»³⁰.

Это мнение далеко не единственное. В 1895 г. старший чиновник по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе Н.А. Насекин в своем известном труде по истории корейцев в России между прочим отмечал: «Другой причиной (переселения корейцев в Южно-Уссурийский край зимой 1869—

1870 г. — А.П.) явилось твердое убеждение корейцев, что в России они получают полноправность, которой были лишены в Корее до того, что никто не располагал не только своей собственностью, но и жизнью. Убеждение это они получили из рассказов корейцев, живших уже 4 года в подданстве России»³¹.

Обратимся вновь к документам о первых переселенцах из Кореи. 25 сентября 1864 г. исправлявший должность инспектора линейных батальонов Восточной Сибири, расположенных в Приморской области, полковник Ольденбург (инициалы не установлены) в докладной записке на имя губернатора П.В. Казакевича писал:

«При осмотре мною 4-й роты линейного 3-го батальона Восточной Сибири, расположенной в гавани Новгородской, командующий этой ротой мне доложил, что четырнадцать семейств в числе шестидесяти пяти душ обоего пола перешли в январе месяце сего года в Приморскую область, построили фанзы верстах в 15 от поста Новгородского, успешно занимаются огородничеством, земледелием и обещают по своему трудолюбию быть вполне полезными хозяевами. Это заявление породило во мне желание увидеть быт этих переселенцев на месте их жительства и я отправился туда, где они поселены. Действительно нашел 8 фанз, очень чисто отстроенных, большие огороды, засеянные будою, ячменем, гречихой и кукурузой до 15 дес. Такие результаты труда, произведенные менее чем в один год, обещают действительную пользу для края от таких переселенцев... По словам Резанова, около 100 семейств изъявили желание поселиться на наших землях, но опасаются выдачи обратно в Корею, где они по существующим там законам за выселение будут подвергнуты смертной казни»³².

Б.Д. Пак также упоминает докладную записку Ольденбурга, ссылаясь на этот раз на тот же фонд и т.д. Итак, согласно официальной переписке, мы можем сделать определенный вывод о том, что переселение первой группы корейцев (14 семей общей численностью 65 чел.) произошло в январе 1864 г., что подтверждается также косвенными данными. Интересно, что в самых различных источниках и изданиях мы часто встречаем упоминание о том, что свой первый урожай с полей в Посьетском участке корейские переселенцы собрали именно в 1864 г., а не годом раньше.

В 1862 г. корейцы узнали, что русским императором подписан закон о предоставлении больших льгот как русским, так и иностранным поселенцам Амурской и Приморской областей. После этого они договорились с капитаном И.Ф. Черкавским о том, что весной следующего года они переселятся в Посьетский участок с основанием селения в 15 верстах от местонахождения поста. Однако отсутствие жилищ вынудило их отложить переселение, и корейцы опять же с разрешения того же Черкавского начали строить фанзы для своих семей, каждый раз тайно переходя на определенное время на русскую территорию. В 1863 г. И.Ф. Черкавский неожиданно умер. Е.С. Бурачек, который был прекрасно осведомлен о намерениях корейцев, в это время находился уже на пути в Европейскую Россию. Договоренность корейцев с русскими властями, таким образом, повисла в воздухе. Когда же начальником поста был, наконец, назначен поручик Рязанов, корейцы обратились к нему за разрешением на въезд в Россию, мотивируя свою просьбу поселиться в Посьетском участке не только договоренностью об этом с Черкавским, но и наличием уже построенных ими домов для своих семей. Рязанов доложил об этом П.В. Казакевичу, и, как только положительный ответ был получен, корейцы вместе со

своими семьями обосновались на р. Тизинхэ, основав там первое на русской территории корейское село под одноименным названием. Это произошло в январе 1864 г., о чем Рязанов сообщил Ольденбургу.

Так, на наш взгляд, началось переселение корейцев в Россию, что подтверждается как архивными документами, так и свидетельствами современников. Еще большим доказательством этого могли бы стать посемейные списки корейских переселенцев, которые являлись основными и едва ли не единственными документами о водворении корейцев в Российском государстве, на основе которых они впоследствии принимались в русское подданство. Но пока эти списки нами не обнаружены.

Обратимся поэтому сразу к третьей группе источников — к дореволюционным публикациям, основанным на документах тех лет. Вот как разные исследователи писали о начале переселения корейцев в Южно-Уссурийский край. Известный сибирский историк, а впоследствии издатель одной из газет В.И. Вагин отмечал: «Переселение к нам корейцев началось с 1863 г. В этом году перешло к нам тринадцать семейств»³³. Какие-либо доказательства отсутствуют. При этом В.И. Вагин отмечает, что пользовался рассказами очевидца переселения корейцев в 1869—1870 гг. и некоторыми газетными публикациями. И. Надаров в этом отношении ненамного проясняет положение. Он писал: «До 1863 года инородческое население Уссурийской страны состояло из манз, гольдов и ороحوнов. Корейцы стали появляться в наших пределах только с 1863 года»³⁴. Н.А. Насекин более конкретен: «Первое движение в Южно-Уссурийский край корейских переселенцев обнаружилось в 1863 году, когда 13 семей тайно бежали к нам из своего отечества, вследствие нужды и голода, вызванных бесконечными вымогательствами алчных корейских чиновников. 21-го сентября 1864 года начальник Новгородского поста донес военному губернатору, что корейцы поселились на р. Тизинхэ и прилежно занимаются хлебопашеством»³⁵. Здесь также указан в качестве даты переселения 1863 г., хотя сообщение о занятии ими хлебопашеством относится только к осени следующего года.

Делопроизводитель канцелярии Приамурского генерал-губернатора Е.Т. Смирнов о начале корейской иммиграции писал следующее: «Корейцы, охотившиеся не раз в Южно-Уссурийском крае, разведали, что ближайшая к их родине местность — теперь Янчихинская волость — совсем не заселена. Их рассказы соблазнили некоторых корейцев-земледельцев, которым на родине было тесно, и 16 семейств основали в 1864 г. Тизинхе — первое корейское поселение на нашей территории; в том же году были основаны Верхнее и Нижнее Янчихе. Все поселившиеся стали заниматься земледелием»³⁶. Мы вполне можем предположить, что Е.Т. Смирнов пользовался архивами канцелярии, т.е. документальными источниками.

Чиновник особых поручений Переселенческого управления Министерства внутренних дел России А.А. Риттих так характеризовал начало корейской иммиграции: «Корейские выходцы, впервые появившиеся в 1864 году (деревня Адеми), встречали всякое содействие со стороны администрации: им разрешалось селиться, где они считали выгодным, выдавались ссуды, обеспечивалось на первое время пропитание. При таком содействии наших властей, в течение шестидесятих и семидесятих годов в Посьетском участке образовалось 9 корейских деревень, затем к западу от Никольского, к Манчжурской границе — 4 деревни и в восточной части Южно-Уссурийского края — 3»³⁷.

Автор не указывает источника этих данных, но, учитывая официальное положение А.А. Риттиха, можно предположить, что он использовал документы того времени.

Нельзя не упомянуть и работу В.Д. Песоцкого, специально занимавшегося корейским вопросом в составе Амурской экспедиции 1909—1910 гг. Он писал: «В 1864 году Военный Губернатор Приморской области адмирал Казакевич представил Генерал-Губернатору Восточной Сибири Карсакову на разрешение вопрос о подданстве корейцев, перешедших в 1863 году в наши пределы и основавших поселения в долинах р.р. Фаташи, Янчихэ, Тизинхэ»³⁸.

Казалось бы, что этот труд заслуживает и в нашем вопросе полного доверия. Но следующее замечание Песоцкого почти в самом конце книги нас должно разочаровать. Он отмечает: «Я начну обзор (документов. — А.П.) с 1882 года, так как в (Приморском. — А.П.) Областном Правлении документы по корейскому вопросу были даны мне, начиная с этого года. Других нет»³⁹. Все материалы по корейскому вопросу находились, на наш взгляд, в Хабаровске в канцелярии Приамурского генерал-губернатора, где с ними в 1899 г. работал упоминавшийся выше Е.Т. Смирнов.

И наконец неопровержимые доказательства, того, что первые корейские села были образованы в 1864 г., дает нам полковник Рагоза в своем подробнейшем описании Посьетского участка. Его таблица в приложении 9-м (с. 124—127) позволяет нам со всей ответственностью заявить, что переселение корейцев в Южно-Уссурийский край началось именно в 1864 г. и не раньше, так как в начале своего исследования автор отмечает: «Сведения об этой численности получены для войск — из окружного штаба, **для корейцев — из их посемейных списков** (курсив мой. — А.П.) и для прочего населения — из правления начальника Южно-Уссурийского округа»⁴⁰. Примечательно, что А. Рагоза начинает свою таблицу с 1863 г. и показывает, что в том году ни одного корейца не было зарегистрировано в качестве поселенца на русской земле. Иными словами, в посемейных списках, составленных не позднее 1866 г., ни один кореец не заявил, что он прибыл в Россию в 1863 г. или раньше. Согласно посемейным спискам, с которыми непосредственно работал А. Рагоза, численность первых корейских переселенцев и их распределение по деревням в 1864 г. представляло следующую картину (см. табл. 1):

Таблица 1

**Численность корейских переселенцев
и их распределение по деревням за 1864 г.**

Названия корейских сел	Количество дворов	Численность жителей		
		Мужского пола	Женского пола	Всего
Тизинхэ	8	22	22	44
Адими	1	2	2	4
Новая Деревня	9	28	25	53
Фаташи	1	2	1	3
Всего	19	54	50	104

Составлено по: Рагоза А. Посьетский участок // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 45. СПб., 1891. С. 124—127.

Таким образом, мы считаем историческим фактом, доказанным всей совокупностью аргументов, что именно в январе 1864 г. началась корейская иммиграция в Россию, происходившая в форме переселения корейских семей на постоянное жительство. Ее предпосылками послужили, во-первых, установление русскими властями полной юрисдикции как де-юре, так и де-факто над Уссурийским краем, и, во-вторых, предоставление больших льгот как русским, так и иностранным переселенцам.

Главной же причиной переселения *первой группы корейских переселенцев* (курсив мой. — **А.П.**) явилось их стремление улучшить свое материальное положение за счет того, что в России им не надо было в течение 20 лет платить налоги. Данный вывод абсолютно верен лишь в отношении первой группы переселенцев из Кореи, чем и объясняется мой курсив. Рассмотрение истории корейской иммиграции на первом ее этапе, каковым мы считаем промежуток времени с 1864 г. до установления в 1884 г. дипломатических отношений между Россией и Кореей, выходит за рамки данной работы.

¹ Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка. В.В. Бурачек: До и после Владивостока. Владивосток, 1999. С. 57.

² Там же. С. 65.

³ Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1990. С. 25—26.

⁴ История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986. С. 303.

⁵ Петров А.И. Корейцы на русском Дальнем Востоке в эпоху российского капитализма: 1860 — февраль 1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1988. Л. 28.

⁶ Ching Young Choe. The Rule of the Taewon'gun. 1864—1873. Restoration in Yi Korea. Cambridge: Harvard University Press, 1972. P. 84.

⁷ Подробнее смотрите: Петров А.И. Корейская эмиграция на русский Дальний Восток и позиция цинского Китая: 1864—1884 гг. // Девятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тез. докл. Ч. 2. М., 1988. С. 199—204.

⁸ Нам С.Г. Российские корейцы: история и культура (1860—1925 гг.). М., 1998. С. 12.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 26.

¹³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 23. Л. 218.

¹⁴ Недачин С.В. Корейцы-колонисты: (К вопросу о сближении корейцев с Россией) // Военный Сб. СПб., 1913. С. 186.

¹⁵ РГИАДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 278. Л. 1; Петров А.И. Формирование корейского населения и его хозяйственная деятельность на территории русского Дальнего Востока: 1864 — февраль 1917 гг. Владивосток, 1987. С. 10. Препр.; Петров А.И. Корейцы на русском Дальнем Востоке... Л. 30.

¹⁶ Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи: (Дальневосточный период). М., 1993. С. 19.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ Там же. С. 19.

¹⁹ Там же.

²⁰ Бурачек Е.С. Воспоминания... С. 195.

- ²¹ Там же. С. 193.
- ²² Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание 2. Т. 36. Отделение 1. 1861. От № 36490—37190. СПб., 1863. № 36928. С. 682.
- ²³ Нам С.Г. Российские корейцы... С. 26.
- ²⁴ Крюков Н.А. Некоторые данные об урожае хлебных растений в Приамурском крае в 1891 году. Благовещенск, 1892. С. 27, 28.
- ²⁵ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). М., 1974. Т. 1. С. 316.
- ²⁶ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае 1867—1869 гг. Владивосток. 1990. С. 132.
- ²⁷ История Кореи... Т. 1. С. 302.
- ²⁸ Корея, страна отшельников Грифиса. (Пер. с англ. лейб-гвардии Преображенского полка поручика Шипова) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 14. СПб., 1885. С. 37.
- ²⁹ Там же. С. 24.
- ³⁰ Вагин В.И. Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875—1876. Т. 1. С. 23—24.
- ³¹ Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края: Кр. ист. очерк переселения корейцев в Южно-Уссурийский край // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1904, № 3 (март). С. 6. Данная работа Н.А. Насекина была впервые опубликована в «Трудах Приамурского Отдела Императорского Русского географического общества. 1895 г.». Хабаровск, 1896. С. 1—36.
- ³² РГИАДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 278. Л. 15—16; Петров А.И. Корейцы... Л. 30, 103; Петров А.И. Формирования... С. 10—11. Хотелось бы попутно обратить внимание на то, что в фамилиях безударные «я» и «о» раньше часто писались как «е» и «а». Отсюда мы часто встречаем «Резанов», «Карсаков» вместо «Рязанов», «Корсаков» и т.д. Некоторые современные авторы, к сожалению, также часто пишут по правилам, от которых давно отказались, вводя в заблуждение читателя.
- ³³ Вагин В.И. Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей стран. СПб., 1875—1876. Т. 1. С. 1.
- ³⁴ Надаров И. Инородческое население Уссурийской страны: (Северно и Южно-Уссурийские края) // Материалы к изучению уссурийского края: Доклады в Обществе изучения Амурского края И. Надарова. Владивосток, 1886. С. 1.
- ³⁵ Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края // Труды Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1895 г. Хабаровск, 1896. С. 1.
- ³⁶ Смирнов Е.Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 года в г. Хабаровске. Хабаровск, 1899. С. 78.
- ³⁷ Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. СПб., 1899. С. 30.
- ³⁸ Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции: Прил. к вып. 11. Хабаровск, 1913. С. 1.
- ³⁹ Там же. С. 111.
- ⁴⁰ Рагоза А. Посьетский участок // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 45. СПб., 1891. С. 55.

SUMMARY. «When did the Korean Immigration to Russia Begin?» Candidate of Historical Sciences Alexander Petrov asks in his article a rhetoric question and gives the answer while arguing against some scholars. The article describes in detail the early period of Korean immigration to Russia, rejecting some not enough arguemented approaches to this problem which were expressed by his opponents. The article is based on the considerable part of historical documents..